

6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976. С. 222.
7. Мифы народов мира: Энцикл.: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1982. Т. 2. С. 164.
8. Там же. С. 621.
9. Русская мифология: Энцикл. М., 2005. С. 253.

© Соломеина В. Н.
г. Екатеринбург

ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА МЕМУАРОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В настоящее время не существует единой терминологии мемуарного жанра и его разновидностей. Одни исследователи считают мемуарами только автобиографии, другие, наоборот, — воспоминания, выделяя автобиографии в отдельную группу. Такие исследователи пользуются термином «мемуарно-автобиографическая литература» (Г. Гюбиева, Г. Елизаветина, А. Антюхов). Есть и компромиссные варианты, когда различают широкое понятие «мемуары» и «собственно мемуары», подразумевая под этим либо только автобиографии, либо автобиографии и записки о событиях (М. Черноморский, А. Тартаковский).

Энциклопедии (БСЭ, Краткая литературная энциклопедия) предлагают достаточно широкое понятие этого термина, выделяя в качестве жанровых разновидностей автобиографии и дневники, а также путевые записки.

Обобщая различные исследования о мемуарной литературе, можно выделить следующие жанровые разновидности (которые называют также жанровыми модификациями, видами, группами, формами):

- воспоминания о событиях,
- автобиографии,
- дневники,

— путевые записки как разновидность дневников, поскольку они представляют собой поденные записи, т. е. те же дневники.

Петровская эпоха с ее необычайно мощным энергетическим потенциалом дала толчок и развитию мемуарного жанра. Это и понятно. Бурные общественные и социальные изменения повлекли за собой стремление осмыслить события этого сложного времени и запечатлеть их на бумаге для потомства. Этому способствовал и рост самосознания личности. «Русская интеллигенция начала осознавать себя творческой силой государства, ответственной за духовное развитие нации» [1].

Интересно, что Петровская эпоха, бедная художественной литературой, представила многообразие именно мемуарных жанров. Можно выделить основные жанровые разновидности мемуарной литературы этого периода:

1) записки о событиях (исторические повести, в традиционной терминологии — воспоминания о событиях). К ним относятся «Гистория о царе Петре Алексеевиче» Б. И. Куракина, «Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» Сильвестра Медведева, «Записки» А. А. Матвеева, «Записки» И. А. Желябужского;

2) автобиография. Представлена единственным произведением этого рода — «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная»;

3) путевые записки — одна из наиболее широко представленных жанровых групп мемуарной литературы этого периода. К ним относим «Дневник и путевые заметки князя Бориса Ивановича Куракина», «Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе», «Архив, или Статейный список» А. А. Матвеева, «Записки неизвестной особы» (автор не установлен), статейные списки Б. П. Шереметева, «Записки неизвестного» (И. Л. Нарышкин);

4) исторические анекдоты. Представлены двумя произведениями: «Достопамятные повествования и речи Петра Великого» А. К. Нартова и «Поступки и забавы императора Петра Великого» Н. И. Кашина.

Рассмотрим подробнее каждую из групп.

1. Записки о событиях.

Необходимо оговориться, что указанные произведения данной группы не являются чисто мемуарными, по своему функциональному назначению, по тем задачам, которые ставил перед собой автор, это исторические произведения, но они содержат мемуарные элементы.

Записки Желябужского, Медведева, Матвеева сопоставимы с историческими хрониками начала XVII в.: «Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря», Летописная книга Семена Шаховского (о Смутном времени), «Словеса дней, и царей, и святителей московских» Ивана Хворостинина. Каждая из этих повестей описывает определенный эпизод либо период из истории Смутного времени. В этом отношении ближе к историческим хроникам оказываются записки Медведева и Матвеева, описывающие события 1682 г. — смерть царя Федора Алексеевича, избрание на престол двух малолетних царей Петра и Ивана Алексеевичей, стрелецкий бунт, роль царевны Софьи.

Записки Желябужского, напротив, ближе к летописной форме. События государственной важности (сообщения о войнах, о восстании стрельцов, строительство кораблей в Воронеже, строительство городов и пр.) соседствуют с событиями меньшего масштаба: известия о пожарах, шутовских, разного рода новшествах — «огненные потехи», устройство театральных хором на Красной площади и др. Собственно, отнести эти произведения к мемуарной литературе дает право участие авторов записок в изображаемых событиях и личное отношение к ним автора.

Особняком от них стоит «Гистория...» Куракина (1727). Она была задумана достаточно широко, как история России, но мемуарист успел написать только историю петровского времени. Произведение написано автором, не равнодушным к происходящим в стране переменам, который сам явился их непосредственным свидетелем и участником. «...как мы покажем явно в сей гистории, чему были явные свидетели», — пишет Куракин в тексте [2]. При этом автор не отстраняется от описываемых событий, выявляя активное к ним отношение.

Так, он открыто осуждает святочные потехи шутовского собора: «Также и постановление тем шутошным и архиереям бывало в городе помянутом

Плешбурхе, где была сложена вся церемония в терминах таких, о которых запотребно находим не распространять, но кратко скажем, к пьянству и к блуду и всяким дебошам». И далее: «... многие от дураков были биваны, облиты и обруганы» [3]. Куракин, принадлежа к знатному дворянскому роду, не одобрял возвышение людей из низких, «шляхетских» родов. В тексте присутствует скрытое осуждение лиц низкого рода, поднявшихся силой случая до «большого градуса» (высокой должности). Институт фаворитизма начал складываться при Петре I. Куракин представляет литературные портреты этих новоявленных фаворитов — Бориса Голицына, Франца Лефорта, Федора Ромодановского. Каждая такая характеристика завершается неллицеприятным заключением. Так, про Лефорта, одного из ближайших сподвижников Петра, читаем: «Помянутый Лефорт и денно и ношно был в забавах, супе, балы, банкеты, картежная игра, дебош с дамами и питье непрестанное, оттого и умер...»; про князя Меншикова: «Характер сего князя описать кратко: что был гораздо среднего, и человек неученой, ниже писать что мог, кроме свое имя токмо выучил подписывать, понеже был из породы самой низкой, ниже шляхетства» [4].

2. В Петровскую эпоху возникает первое автобиографическое произведение — «Жизнь князя Бориса Ивановича Куракина, им самим описанная» (1705–1710), которое и дает право считать Куракина первым русским мемуаристом (А. Г. Тартаковский). Правда, существуют и другие мнения. Иногда называют «Житие» Аввакума первой автобиографией (Краткая литературная энциклопедия). Вопрос это спорный, так как данное произведение находится на стыке двух жанров — жития и автобиографии. Сам Куракин считал себя первопроходцем в этой области литературы и должен был доказывать свое право на описание собственной жизни, что он и делает в начале произведения: «Следуя обычаю других европейских народов, для которых, в отличие от русского народа, это обычное дело.» Исследователи отмечали, что первые мемуарные произведения строятся по «летописному принципу» (М. Я. Билинкис, А. Г. Тартаковский). «Зарождавшийся мемуарный жанр... воспринимался (но не столько читателями, сколько самими его творцами) в качестве продолжения летописной традиции» [5]. Под летописной традицией здесь надо понимать прежде всего летописную форму. Также построены и мемуары Куракина, который группирует материал по датам своей жизни: «Жития моего год первый... год второй...» — своего рода погодные статьи. В соответствии с выбранной летописной формой в поста-тейный материал в один ряд включаются события общегосударственные и семейные, и даже на первый взгляд незначительные, касающиеся мелких происшествий из жизни автора. Употребляются также традиционные летописные зачины: «Того года...», «И с того года...».

3. Путевые записки — один из наиболее широко представленных жанров в мемуарной литературе петровского времени. Это и понятно: именно в это время русские путешественники начинают активно посещать страны Западной Европы. Естественно, возникает потребность зафиксировать опыт познания чужой земли, чужой культуры для своих современников.

Путевые записки как жанр формируются в русской литературе в конце XVII — начале XVIII в. Путевые записки имеют свои истоки в древнерусской литературе, они генетически связаны со статейными списками дипломатических посольств и древнерусскими хождениями — паломническими, дипломатическими, торговыми. На эту связь указывал Н. И. Прокофьев: «Хождения как литературная форма продолжают развиваться в условиях нового времени. В Петровскую эпоху появляется ряд путевых записок, в которых в привычной форме древнерусских хождений рассказывается о путешествиях по странам Западной Европы» [6]. Собственно, и сами хождения некоторые исследователи называют путевыми записками [7].

Д. С. Лихачев отметил преемственную связь путевых записок петровского времени и статейных списков: «В царствование Петра официальные статейные списки дают начало новому жанру — частным дневникам путешественников. Эти дневники путешествий своею обстоятельностью, точностью и наблюдательностью во многом обязаны литературе традиции статейных списков. Отсюда они заимствуют умение вести повествование, стремление запечатлеть все новое, свой патриотизм, порой критическое отношение к иноземным обычаям» [8]. И действительно, первые путевые записки являются одновременно и статейными списками, что отражается также в названии: «Архив, или Статейный список Московского посольства...» Андрея Матвеева, «Статейный список посольства ближняго боярина и наместника Вятскаго Б. П. Шереметева...». Кроме того, принадлежность жанру статейных списков отвечает их функциональному назначению — они представляют собой отчет посольств по результатам переговоров.

Кратко отметим общие черты путевых записок и хождений и статейных списков:

а) для тех и других характерна четкая хронологическая и топографическая привязка. Структура повествования жестко привязана к маршруту путешествия. Указывается расстояние между населенными пунктами и точные даты (год, месяц, число);

б) измерительный способ описаний (термин В. В. Данилова [9]) характерен как для путевых записок, так и для хождений. Измеряются расстояния, длина и ширина зданий шагами, поприщами, версами, размеры предметов, число ступеней, количество лампад в церкви;

в) в общих чертах сходен план описаний населенных мест. Можно отметить некоторые общие литературные приемы, например, прием фокусации пространства, на что указывали в своих работах Н. И. Прокофьев [10], Л. А. Ольшевская и С. Н. Травников [11]. Этот прием широко используется в сказках: дуб, на дубу — сундук, в сундуке — утка, в утке — яйцо, в яйце — иголка;

г) разнообразие тематики описаний.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на генетическую связь хождений и путевых записок, это разные жанры. Принципиально разными будут цели, которые ставят перед собой путешественники, и концепция человека в том и другом жанре. Цель путешествия паломника (как правило, это поездки в

Царьград, Иерусалим, на г. Синай) — приобщиться святых мест и через текст хождения приобщить и читателя к христианским святыням. Пространство в этом случае воспринимается как сакральное, религиозно-символическое, связанное с вечным. Герой путевых записок путешествует совсем с другими целями. Его цель — познание европейской культуры, поиск новых знаний, а цель написания записок — «стремление приобщить русских людей к новым сферам прекрасного, в том числе в быту, во взаимоотношениях между людьми, в научном и художественном освоении мира» [12].

Концепция человека. Герой паломнических хождений — это «раб Божий», как он сам себя называет, главная черта которого — смирение. Он обходит святыни, смиренно поклоняется и целует их. Для героя путевых записок характерна позиция человека, познающего новый мир и активно действующего в этом мире. Можно вспомнить эпизод из «Путешествия» П. А. Толстого, когда в бурю герою пришлось взять управление кораблем в свои руки и он прекрасно с этим справился.

Пространство также становится более открытым, не сконцентрированным в одной точке, как в хождениях, а путешественник становится «героем открытого пространства, которое формирует у человека любознательность и широту души, энергичность и целеустремленность» [13].

4. Исторический анекдот.

Эта жанровая группа представлена двумя сборниками анекдотов, авторами которых являются Андрей Константинович Нартов, механик Петра I, учивший его токарному делу, и Никита Иванович Кашин, сержант из охраны Петра Великого.

Надо отметить, что термин «исторический анекдот» подразумевает несколько иной смысл, чем тот, который мы вкладываем в современное понятие анекдота. Собиратель анекдотов о Петре Великом, историк XVIII в. И. И. Голиков дал следующее определение исторического анекдота: «Под названием анекдотов подразумеваются такие повествования, которые в свет не изданы и которые немногим известны. Достоверность же таковых преданий зависит от следующего: 1) ежели повествуемое в них взято из подлинных записок или частных журналов тех времен; 2) ежели особы, предавшие их словесно, были очевидцами повествуемого...; 3) ежели оные подтверждаются преданием, от самого того же времени из рода в роды преходящим» [14].

Несмотря на установку исторического анекдота на достоверность, вопрос об отнесении их к мемуарным источникам оспаривается некоторыми исследователями, например Б. Н. Путилов относит их скорее к фольклору. Действительно, исторический анекдот обладает структурным и тематическим сходством с преданием: короткое вступление, вводящее в курс событий, развитие действия, кульминация, финал. Как исторический анекдот, так и предание развивают какую-то одну тему, характеризующую эпоху или черту характера исторической личности. Действие отличается занимательностью сюжета, но в предании оно более драматизировано и динамично, допускается больше вымысла при сохранении общей установки на достоверность. Исторический анекдот, как правило, литературно обработан.

Сфера бытования предания — живая народная речь, поэтому оно отличается от анекдота и стилистически.

На наш взгляд, было бы не совсем верным относить исторический анекдот к жанру предания. Исторический анекдот мог возникнуть как в устной, так и в письменной форме, опираясь в своем построении на жанр предания. Он первоначально мог иметь своего автора-создателя, имя которого либо терялось при дальнейшей устной передаче, либо фиксировалось письменно. Исторический анекдот, по всей видимости, представляет собой некое промежуточное образование или переходный жанр между преданием и подлинными мемуарами. Такая двойственность этой литературной формы позволила назвать анекдоты меморатами, т. е. как бы мемуарами. Б. Н. Путилов пишет: «Среди преданий можно выделить группы так называемых меморатов, т. е. рассказов людей, которые утверждают, что были непосредственными свидетелями происшедшего. Но где уверенность, что такой рассказчик не вводит слушателей в заблуждение, не мистифицирует нас?» [15]. Тем не менее, другие исследователи (например, Тартаковский) включают записки Нартова и Кашина в список мемуаров, поскольку они представляют собой воспоминания людей, лично знавших Петра I.

Примечания

1. *Ольшевская Л. А., Травников С. Н.* «Умнейшая голова в России...» // Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697–1699. М., 1992. С. 252.
2. *Куракин Б. И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // «Россию поднял на дыбы...»: В 2 т. М., 1987. Т. 1. С. 385.
3. Там же.
4. Там же. С. 389.
5. *Тартаковский А. Г.* Русская мемуаристика XVIII — первой половины XIX в. М., 1991. С. 43.
6. *Прокофьев Н. И.* «Хождения» как жанр в древнерусской литературе // Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. Ленина. М., 1968. № 288. С. 24.
7. Так, Адрианова-Перетц называет «Хождение за три моря» Афанасия Никитина путевыми записками. См.: *Адрианова-Перетц В. П.* Афанасий Никитин — путешественник — писатель // Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466–1472 гг. М.; Л., 1948. С. 108.
8. *Лихачев Д. С.* Повести русских послов как памятники литературы // Путешествия русских послов XVI–XVII вв. М.; Л., 1954. С. 337.
9. *Данилов В. В.* О жанровых особенностях древнерусских «хождений» // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 24.
10. *Прокофьев Н. И.* О традициях и новаторстве путевых записок петровского времени // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9. С. 131.
11. *Ольшевская Л. А.* Указ. соч. С. 278.
12. Там же. С. 266.
13. Там же. С. 282.
14. Цит. по: Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. СПб., 2000. С. 15.
15. *Путилов Б. Н.* Петр Великий — фольклорный герой // Петр Великий в преданиях, легендах, анекдотах, сказках, песнях. С. 7.